

– Ну что ж, самое главное, старт дан. – Начал Абдрашидзе. – Ваши орлы могут приступать, Олег Николаевич. Юлия Павловна всегда поможет.

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнула Юлия. – Что вам нужно в первую очередь?

– Ну, хотя бы этот список планируемых мероприятий, – ответил Приходченко. – И, конечно, совещание собрать, чтобы понять, в каком направлении действовать, чтобы не перекрывать друг друга.

Пример иллюстрирует результат успешной договоренности обеих сторон, выраженный в языковом отношении с помощью употребления эмотивов разных уровней: коннотатива «орлы», аффектива «Конечно!».

Таким образом, стиль БК, являясь частью официально-делового стиля речи, претерпевает изменения под воздействием эмотивного компонента бизнес-общения. Рассматриваемый в данной статье стиль представляет собой динамическое явление, характеризующееся тенденцией эмоционализации речи. Проявление эмотивных вкраплений или имплицитной формы их употребления приводит к изменению традиционного понимания стиля делового общения.

Список литературы

1. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории: (на материале текстов на рус. и англ. яз.) : дис. ... д-ра филол. наук / З. И. Гурьева. – Краснодар, 2003. – 446 с.

2. Долинин К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1987. – 303 с.

3. Ковшикова Е. В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Ковшикова. – Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т, 1997. – 20 с.

4. Комлева Е. В. Апеллятивность текстов официально-делового стиля: (на материале современного немецкого языка) / Е. В. Комлева. – Оренбург, 2006. – 219 с.

5. Мурат В. П. Об основных проблемах стилистики / В. П. Мурат. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1957. – 43 с.

6. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. – М. : Высшая школа, 1994. – 240 с.

7. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1977. – 167 с.

8. Shakhovsky V. I. English Stylistics / V. I. Shakhovsky. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

РУССКИЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

И.Ю. Чистякова

Статья посвящена проблеме русского риторического идеала. Автор анализирует публичные выступления русских эмигрантов начала XX в. В статье рассматриваются факты из истории изучения отечественной речевой культуры, сопоставляются русский и советский риторические идеалы.

The article is devoted to the Russian rhetorical ideal. The author analyses the public speeches of Russian emigrants of early XX century. The article deals with the facts from the history of study of the national speech culture, compares Russian and Soviet rhetorical ideals.

Ключевые слова: риторический идеал, ораторика, эпическое время.
Key words: rhetorical ideal, oratorical, epic time.

Ораторика как способ убеждения обращена не только к разуму, но и к чувству. Идея христианства строится на познании смысла жизни как высшей истины, как цели духовной жизни, дающей возможность человеку через богопочитание стремиться к образцовой, добродетельной жизни. На Западе, как известно, все решает закон. На Востоке большее влияние имеют многовековые религиозные традиции, налагающие запрет на что-то, а в России – идея, душа. Так, А.К. Михальская называет русский риторический идеал идеалом сократического типа и отмечает следующие его особенности: диалогичность по содержанию (человек видит мир как нечто, что нужно освятить и осветить, восстановив ту гармонию, которую он чувствует в себе), гармонизирующий характер (цельность, теплота и гармония – отличительные черты русского философствования) и положительная онтологичность (категория правды есть единство двух категорий – истинности речи... и добра, понятого не как индивидуальная выгода, но как общественное благо) [4, с. 176–185].

Хотелось бы особо указать на то, что русский риторический идеал как концепция основывается на философской теории «русской идеи». Русский риторический идеал рожден благоустраивающей силой природы и призван найти истину и изменить мир к лучшему. Русский ритор должен говорить о том, что его волнует, ради того, что любит и во что верит. Следует подчеркнуть, что «первое проявление русской любви и русской веры есть живое СОЗЕРЦАНИЕ» [3, с. 319]. Созерцание пленяет душу и рождает творчество. Все созерцаемое осмысливается, и созерцатель готов поделиться своими мыслями с соотечественниками. «Но сердце и созерцание дышат СВОБОДНО. Они требуют СВОБОДЫ, и творчество их без нее угасает» [3, с. 320].

Итак, речь диалектика, направленная на отыскание истины, может быть произнесена в свободном обществе, ориентированном на множество идеологий. Возможно ли обратное? «Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем, в русской походке и жестикуляции, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту» [3, с. 322]. Добавим: и в русском мышлении и русском слове. Свобода мысли и слова были теми необходимыми условиями, в которых естественно развивался русский дух, а значит, и русское слово. Русский ритор следует своему «историческому призванию и душевному укладу». Он находит предметы, достойные созерцания и осмысления истины, стремится к совершенству, но не всегда минует ошибок, заблуждений и опасностей, которые становятся приметами его времени. Истина, добро и красота – это то триединое составляющее, чем наполнен русский дух и его религиозная христианская основа.

Концепция русского риторического идеала, предложенная А.К. Михальской, строится на основе античного риторического идеала как иерархии «трех основных элементов: мысль – истина, благо – добро, красота – гармония» [4, с. 30]. Риторический идеал, образец, по А.К. Михальской, – это образцовая речь, «в которой сочетаются в гармоническом единстве: 1) МЫСЛЬ, смысловая насыщенность, УСТРЕМЛЕННОСТЬ К ИСТИНЕ; 2) этическая задача, нравственная УСТРЕМЛЕННОСТЬ К ДОБРУ И ПРАВДЕ; 3) КРАСОТА, понятая не как украшенность, красивость, а как целесообразность, функциональность, СТРОГАЯ ГАРМОНИЯ» [4, с. 7].

Таким образом, перед нравственным ритором стоят этические и эстетические задачи. Его речевые действия должны быть ориентированы на опыт национальной культуры и соответствовать требованиям и принципам русского риторического идеала. Как справедливо считает А.К. Михальская, «риторический идеал... – это, во-первых, существенный элемент самой культуры, общий принцип организации ее логосферы... Во-вторых, это некая иерархия ценностей – требований к речи и к речевому поведению людей...» [4, с. 43]. Так, у Сократа к таким ценностям относятся истинность и нравственность как польза для общественного блага, а также упорядоченность речи в содержательном и словесном отношении. При этом ценности софистов были иными.

А.К. Михальская называет и анализирует три различных риторических идеала: американский идеал, восходящий к софистическому; русский риторический идеал – старый отечественный, русский, восточно-христианский, близкий к идеалу Платона и Сократа; третий риторический идеал – советский. Очевидно, что риторический идеал – это система качеств говорящей личности определенной исторической эпохи. Советская эпоха породила свой образ совершенного красноречия. Единственный и бесспорный подход в определении советского риторического идеала был верным для того времени: Ленин, Сталин. Эти речи являли собой образец и не были похожи на все остальные, подобно тому, как в первое десятилетие XX в. риторическим идеалом становится Путин. Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина, получивших власть как право на речь, народ не воспринимает как образец и не считает риторическим идеалом.

У каждого носителя языка существует представление об образцовой речи и о говорящей личности, отвечающей требованиям такой речи. Этот образец и есть идеал, или «существенный компонент культуры», или «логосферы». Риторический идеал образцовой речи исторически изменчив и, прежде всего, определяется таким качеством речи, как уместность. Так, Аристотель считал, что нравственно то, что привычно в данном обществе [1, с. 128]. Это высказывание связано с рассуждением об изменении истины.

Универсальный характер публичных речей подтверждает мысль о том, что посредством ораторики организуется вся речевая общественная практика. В публичных монологах дается ответ на назревшие в обществе проблемы: что и как нужно делать, каковы цели и средства данных риторических и нериторических действий, какова их последовательность. Этот опыт накапливается в национальной культуре и часто переходит в традицию. Публичная речь – это первичное действие, которое становится побуждением к другим таким действиям или событиям – результатам, способным в идеале изменить жизнь общества к лучшему. Таким образом, чтобы понять последующий текст, необходимо обратиться к предыдущему. Взятый отдельно публичный монолог тематически и идеологически оказывается недостаточным, лишенным цельной системы ораторики исследуемого периода.

Истина не существует сама по себе, отстраненно, она продолжает непрерывную цепь других истин, объясняет другие и сама толкуется другими высказываниями. Этот системный процесс может обогащаться и обновляться, но при глобальном изменении общества рушатся его звенья. Это сказывается на формировании других истин, подвластных лишь времени, как было в начале советской эпохи. Таким образом, истина должна быть не только понятной, но и уместной, то есть включаемой в систему идеологических ценностей. Но даже будучи исключенной из этой идеологической системы (по-

сколько речи строятся на идеологемах, концептах), истина не погибает. О ней лишь забывают на время.

Смена риторического идеала происходит при смене политических систем, идеологии власти. Новая политика и новая идеология стремится создать новый риторический идеал. Не вызывает никакого сомнения, что с изменением риторического идеала меняется и культура. «Смена риторических идеалов – это процесс изменения того, что при этом сохраняется как некая особая сущность, а не прерывистый ряд вовсе не связанных друг с другом отдельных (дискретных) структур-парадигм. Внутри парадигмы риторического идеала могут происходить перестановки ценностей по значимости, могут добавляться новые элементы и исчезать (возможно, не бесследно) некоторые прежние элементы. Тем не менее, как представляется, в целом эта парадигма сохраняет большую жизнеспособность и стремится жить до тех пор, пока жива питающая ее культура» [4, с. 54–55]. Как известно, сохранение национальной культуры, «парадигмы риторического идеала» возможно благодаря повторению, культивированию ее традиций. Сохраняется ли национальная идея в политических и других речах советской эпохи? Риторический идеал этого времени отражает стремление создать свои этические правила и требования хорошей речи без учета наследования исторического опыта и передачи его от поколения к поколению. Поведение советского ратора ориентируется более не на истину, добро и красоту, а на долг и законопослушание.

По Ю.В. Рождественскому, фактом культуры становится либо факт, представленный, как правило, как традиция, либо прецедент [5, с. 13]. Если дореволюционная культура строится на традициях и правилах национальной культуры, то послереволюционная эпоха – на прецедентах. Меняются стиль речи, стиль жизни в целом, меняются нравственные оценки, поступки людей и понимание ими смысла жизни. После Золотого и Серебряного веков русской культуры изменился ход истории. Новая жизнь с ее отказом от христианско-православных идеалов, традиций и народных обычаев нарушила гармонию русской жизни, выстроенную веками. Однако христианско-православные и народные принципы жизни имплицитно сохранялись в советской России. Народная культура ценилась, а моральный кодекс строителей коммунизма имел ясные православные прототипы. В речи, как и в обществе в целом, вырабатывались новые ценности и нормы. Субъективное, личностное становилось общим. В это время за границей шли оживленные дискуссии русского зарубежья о большевистской революции, перспективах развития новой власти в советской России и о необходимости обращения к национальным традициям. Среди эмигрантов были ученые, писатели, известные философы. Русские мыслители стремились дать принципиальную оценку революции 1917 г.

В речах, публикациях, беседах эмигранты высказывали одну точку зрения: революция 1917 г. привела Россию к гибели, к национальной катастрофе. Острые идеологические споры между Франком и Струве проходили на страницах «Русской мысли», философского сборника «Вехи», в эмиграции оказались известные представители русской философской и политической мысли: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, П.Н. Милуков, П.И. Новгородцев и др. Задача и предназначение многих из них состояла в том, чтобы сохранить и уберечь от разрушений национальные традиции России, ее великую культуру и достижения ее духа – то, от чего отказались большевики. В этом видел смысл своего существования в эмиграции И.А. Бунин.

Обратимся к анализу речи И.А. Бунина, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г. Писатель начинает выступление с обращения: «Соотечественники!» Связь оратора и аудитории – эта та интеллектуально-речевая и духовная двусторонняя реальность, без которой невозможен ни один дискурс. Позиция Бунина – позиция честного гражданина, пытающегося разобраться в том, что происходит на Родине, и определить свою роль в этом процессе. Неслучайно речь И. Бунина называется «Миссия русской эмиграции».

У И. Бунина стремление четко определить свою роль на чужбине порождает интересные размышления в зачине речи, обращение к толковым словарям, после чего следует серия риторических вопросов, предполагающих внутренний диалог с аудиторией: «Мы эмигранты, – слово “emigrer” к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но, в сущности, сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе, не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину. Миссия – это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: "миссия есть власть (rouvoir), данная делегату идти делать что-нибудь". А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие почти торжественные слова в применении к нам? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то?» (газета «Русь», Париж, 3 апреля 1924 г.).

В зачине в начале нескольких строк рефреном проходят местоимения «мы», дающие четкую гражданскую установку: быть в центре событий и по возможности вносить свою лепту в происходящее, в торжество истины и разума. Часто повторяющееся «мы» у И. Бунина постоянно расшифровывается, уточняется: «Мы эмигранты, мы некий грозный знак миру...» и т.д. Выступление И. Бунина отличается богатым интонационным рисунком. Восходящая градация («дикарь дробил, дикарь топтал, но не додробил и не дотоптал...») сменяется нисходящей. Нанизывание предикатов используется с целью подчеркнуть самое важное с точки зрения говорящего. Часто Бунин использует в речи анафору – прием, помогающий передать уверенный эмоциональный настрой убеждающего («Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом...»). Однако оптимистическим этот настрой не назовешь. Оратор постоянно фиксирует наше внимание на прошлом и высказывает несогласие с настоящим. Фигурами повтора с античных времен пользуются ораторы и политики, выделяя ключевые понятия текста.

Взволнованная, эмоциональная речь И. Бунина изобилует риторическими вопросами. Встречаются периоды, представленные целой серией вопросов и ответов-раздумий. Риторические восклицания, также отличающие речь Бунина, в большинстве своем созданы на основе иронии и подчеркивают противоречия между справедливым утверждением и намеком на его ложный смысл («Великие слова, ныне ставшие ужасными! Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста!..»). Ритор – творческая личность. Его слово всегда индивидуально, неповторимо, образно. Он не может

обходиться без выражения оценок, ибо языковое наполнение содержания включает в себе и субъективно-оценочное отношение к предмету высказывания. Любое публичное выступление есть развертывание этоса говорящей личности, ее нравственной позиции, ее отношения к слушателям, создание атмосферы доверия между ритором и аудиторией, способности увлечь ее своим искусством.

Начало основной, логосической части представлено рядом ключевых слов: *несогласие, бессмысленная гибель, сопротивление, борьба, миссия-цель, разгром, братоубийство, кошмарно-кровавый балаган, чудовищные последствия, крестовый поход, злодей, дикарь, дьявол, власть черни, целопопчище провозвестников новой жизни, тьма, великая ложь, выродок, нравственный идиот, Навуходоносор, похабный мир, красный гроб, ужаснейшая гримаса*. Эти значимые слова могут многое сказать о мировосприятии говорящей личности. В данном случае все они относятся к семантическому полю со значением «борьба». В начале речи звучит призыв («Подымите голову!»). Излюбленным риторическим приемом писателя является прием контрастного суждения. Так, И. Бунин называет революцию в России одной из самых черных и роковых страниц летописи. Подобный риторический прием широко принят в политическом дискурсе. При И. Бунине деление мира на «свое» и «чужое», на «белых» и «красных» было одним из важнейших составляющих в процессе осмысления бытия человеком. С одной стороны, это огромная масса беженцев, вопиющих против содеянного в России, а с другой, – русская эмиграция, которая имеет право сказать о себе гораздо больше. «В чем наша миссия, чьи мы, делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представлять?.. От имени нашего Божеского образа и подобия. И еще – от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребренников, за разрешение на грабеж и убийство..., а России другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной». Далее И. Бунин обращается как к истинному свидетельству – Святому писанию, пытаюсь в нем найти ответ на вопрос о миссии русской эмиграции. Все это воспринято русской культурой из источников классической греко-римской литературы и православно-христианского мировоззрения.

Выступление ориентировано на эпическое время, при котором современные события уподобляются устоявшимся, традиционным («Решать и действовать по старине»). При этом оратор следует не закону, а социальной исторической норме. Так, в речи И. Бунина рождается новый образ – Россиядом: «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богочтением, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали?» И. Бунин скорбит о разрушении самого святого, что может быть у народа – его земли, его корней, его традиций – и тем самым отвечает на вопрос, почему сейчас невозможно возвращение русского эмигранта в Россию. Параллелизм строения фраз усиливается анафорическим строением, не исключая синонимику конструкций: «Не пора ли оставить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости». И. Бунин говорит о территориальном пространстве – России – и духовной атмосфере, царящей в ней. Выступая в роли публичного ратора, писатель оказывается в центре внимания. Его идеи, обсуждаемые обществом, обогащаются новым содержанием (реакция рецепи-

ента). Заканчивается речь призывом ждать и верить. «Есть нечто, что гораздо больше даже России. Это мой Бог и моя душа».

Оратор, призванный своей речью разрешить какой-то вопрос, словом убеждает слушателей в правоте своей позиции. И. Бунин несет свою мысль в хорошем философском стиле, но и у него есть бездоказательные тезисы. Так, Ленина он называет злодеем. Известно из речей и статей В. Ленина, что сам себя злодеем он не называл, а по существующей теории именования прием, избранный И. Буниным, считается непозволительным. В то время в России была принята политика ликвидации безграмотности (учить говорить весь народ), политика культурной революции, был открыт Институт живого слова, прокламировалась идея о великой ценности литературы. Стоит задуматься и над тем, почему Ленин, с одной стороны, пропагандирует отказ от Бога и личного начала, а с другой, создает принципы коммунистической морали, списывая их с заповедей Священного Писания. Создается впечатление, что порой И. Бунина-диалектика на трибуне сменяет Бунин-эрист. Призывая бороться против советской власти и «идти крестовым походом на Москву», он извращает идею коммунизма, ибо у Ленина была другая цель – сделать всех равными и счастливыми. Диалектик же должен знать существо дела и заботиться о том, чтобы сделать слушателей, внимающих его речам, лучше.

Как известно, цель совещательной ораторики – разрешить какой-то вопрос. Однако создается впечатление, что Бунин прежде всего передает свое настроение, что является целью речей эпидейктических. Предложенный им анализ причин исторических ситуаций неточен. Большинство аргументов представлено метафорически. Законы культуры не исследуются. Такое речевое поведение не соответствует риторическому идеалу. О том же говорил и А.И. Куприн в публичной речи 1919 г., однако к концу жизни писатель изменил свое мнение о Ленине и стране советов. О пророчестве художников слова, об их влиянии на вождей писали и говорили во все времена. Публичные высказывания писателя становятся ценностью общества, принимаются и обсуждаются. Стендаль, как известно, восхищался Наполеоном, Пушкин – Петром Великим, Горький – Лениным.

Эмигранты как русские пропагандисты выступали против большевистской России, но не все из них агитировали идти войной на нее. Так, П.Н. Милуков призывал смириться с теперешним положением и пойти на сотрудничество с большевистским правительством, чтобы вернуть ценности дореволюционной России. Деникин вовсе отошел от политики и занялся литературой. Уже в начале 20-х гг. в выступлениях и статьях эмигрантов преобладают рассуждения о различии, которое существовало между советской политической системой и монархической системой, о формировании тоталитарного режима и духовного террора, о борьбе с религией и церковью, о пошатнувшихся «божественных основах». Новая частная мораль была построена на правилах партийной этики. Люди должны были жить и думать не по национальным нравам и бережно хранимым духовным ценностям, а по правилам партийной этики.

Человек в слове выражает себя как говорящую личность. Слово является отражением души человека. «Бытие насквозь пропитано логосом», логос есть отражение бытия. Значит ли это то, что формирование ритора полностью зависит от той духовной атмосферы, в которой он живет и совершенствуется? Всякое ли общество дает возможность для постижения истины? «Личность представляет свое общество и свою эпоху... И вот почему, для мыслителя и

художника, для религиозного и политического преобразователя всеобщий, истинный идеал не всегда таков, как он признается в его среде» [6, с. 563]. При этом стоит обратить внимание на одну особенность. Как убеждают примеры, советская ораторика в целом не была стандартной, а представляла собой уникальный опыт синтеза общественно-политической, философско-идеологической, производственной, научной, бытовой, антирелигиозной и вместе с тем нравственной проблематики. Все же не подлежит сомнению, что выступления эмигрантов и речи советских риториков этого времени не соответствуют полностью критериям русского риторического идеала.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб., 2000. – 348 с.
2. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции / И. А. Бунин // Русь. – 1924. – 16 февраля – 3 апреля.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. 1. – 398 с.
4. Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. : Academia, 1996. – 192 с.
5. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1999. – 482 с.
6. Трубецкой С. Н. О природе человеческого сознания / С. Н. Трубецкой // Сочинения. – М., 1994. – С. 557–563.

FULL DESCRIPTION OF VERB SENSE DISAMBIGUATION IN ENGLISH-AZERBAIJANI MT SYSTEM

Ali Agababa Aliyev

В статье представляется процесс решения многозначности некоторых английских глаголов в англо-азербайджанской системе МП. Описывается процесс создания базы данных формальных признаков решения многозначности глаголов и на основе этих баз разрабатываются алгоритмы решения многозначности в процессе автоматического перевода. Эти базы и алгоритмы представляют начальную аппроксимацию в полном решении многозначности глаголов.

In this paper, full process of verb sense disambiguation is analyzed in the English – Azerbaijani MT system. The creation of database of formal features and algorithms presenting their functioning in translation process is investigated. As initial approximation on the issue of disambiguation of verb senses, the working mechanism is considered as a basic result to the solution of the problem in the English-Azerbaijani MT system. The paper investigates verb sense disambiguation and verb sense generalization issues in Azerbaijani in the language processing while developing English-Azerbaijani MT system. Appropriate methods for disambiguating word senses in Azerbaijani are applied and an initial approach was developed on the investigations.

Ключевые слова: многозначность, машинный перевод, формальный синтаксический анализ, лингвистические алгоритмы, азербайджанский язык.

Key words: ambiguity, machine translation, formal parsing, linguistic algorithms, Azerbaijani.

1. Ambiguity and its effect on the translation quality. The case of linguistic unit having two or more senses, identical in the shade of meaning, is considered as polysemy in natural languages (e.g. the verb *bring* can be translated as *fetch smth*,